

УДК 343.82(045)

*Л.В. Ложкина***ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОСУЖДЕННОМУ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА**

В статье исследуются вопросы обеспечения осужденным к лишению свободы права на личную безопасность в исправительных учреждениях. Анализируется понятие безопасности, содержание личной безопасности осужденного, отбывающего наказание в условиях изоляции от общества. Рассмотрены заявленные в ст. 13 УИК РФ меры по обеспечению безопасности осужденным в случае возникновения угроз. Обращено внимание на перечень наказаний, заявленных в части 2 (лишение свободы, принудительные работы, арест), при отбывании которых у осужденных появляется возможность обращаться за защитой своего права на личную безопасность, и отмечена его недостаточность, в частности, отсутствие в перечне наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части. Предложено определение понятия «угроза личной безопасности осужденного»; рассмотрены признаки угрозы, источники её возникновения, а также классификация угроз по различным критериям: субъектам и формам предъявления.

Проанализирован правовой механизм обеспечения права осужденного на личную безопасность, выявлены некоторые вопросы, нуждающиеся в более детальном изложении в Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных Приказом Минюста № 110, например, вопрос о закреплении необходимости проведения проверки по установлению реальности угрозы для осужденного к лишению свободы перед применением всего комплекса охранительных мер по обеспечению личной безопасности. Дан анализ общих и специальных мер обеспечения безопасности осужденного при отбывании наказания, связанного с лишением свободы.

Ключевые слова: исправительные учреждения, осужденные, личная безопасность, обеспечение безопасности, угроза, правила внутреннего распорядка, безопасное место, лишение свободы, уголовно-исполнительное законодательство.

DOI: 10.35634/2412-9593-2023-33-6-1053-1059

В числе основных направлений совершенствования организации деятельности системы исполнения наказаний России до 2030 года в соответствии с изданным Правительством распоряжением определено обеспечение безопасности уголовно-исполнительной системы, а к механизму совершенствования уголовно-исполнительной политики в процессе её гуманизации отнесено создание безопасных условий для субъектов пенитенциарных отношений, отбывающих наказания и содержащихся под стражей; искоренение фактов недозволенных методов воздействия на них [1].

Безопасность личности занимает ведущее место в числе гарантированных основных прав и свобод человека и гражданина и выступает одним из условий безопасности общества в целом. Отбывание наказания в условиях изоляции в специализированных учреждениях предполагает серьёзные риски повышения уровня угрозы для безопасного пребывания в них. Это обусловлено, как минимум, уровнем опасности самого контингента, отбывающего наказание в учреждениях ФСИН, и коллективной системой размещения осужденных. Потому вопросы обеспечения безопасности в учреждении в целом и личной безопасности отдельных лиц не теряют своей актуальности.

Правовые основы обеспечения личной безопасности осужденных представлены как общепризнанными принципами, нормами международного права, так и национальным законодательством, включая Конституцию, федеральные законы, указы Президента, постановления и распоряжения Правительства РФ, нормативно-правовые акты ведомственного характера. Однако ни один правовой документ не даёт нормативного определения личной безопасности, безопасности в целом, хотя в УИК РФ положения о безопасности заявлены не только в ст. 13, определяющей личную безопасность осужденных, но, в частности, и в ст. 86, где говорится о мерах безопасности, но в более широком смысле.

Дефиниция в части безопасности содержится в Указе Президента в отношении национальной безопасности Российской Федерации и определяет её как состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны [2]. В Законе УР № 14-ПЗ предлагается

понятие общественной безопасности, представленной системой общественных отношений, обеспечивающих защищенность жизненно важных интересов, в том числе, включая интересы и неприкосновенность личности [3].

Значение слова «безопасность» в русском языке связывается с состоянием, исключающим какую-либо опасность. В литературе высказывалось мнение, что личная безопасность осужденных является одной из составляющих безопасности в исправительном учреждении и представляет собой часть правопорядка, отражающую состояние защищенности осужденных [4, с. 135], а также её рассматривали как закрепленную в законе возможность сохранения своей жизни и здоровья в период отбывания уголовного наказания [5, с. 88]. Цаплин И.С. определял личную безопасность как жизненную потребность человека, нашедшую своё обеспечение и реализацию в правах, свободах и законных интересах [6, с. 92]. Если взять за основу личной безопасности состояние защищенности, необходимо определиться с кругом защищаемых прав и интересов осужденного. Идет ли речь только о сохранности жизни и здоровья как наиболее значимых субъективных прав, или защищенность должна распространяться на все права, свободы и законные интересы личности?

Основы правового положения осужденного закреплены в ст. 10 УИК, согласно которой права, свободы и законные интересы осужденных подлежат уважению и охране, должному обеспечению их правовой защищенности и личной безопасности. Однако правовой статус осужденного имеет свою специфику, вытекающую из факта совершения преступления и последующего правового регулирования, приводящего к применению государственно-правового принуждения. Всякое наказание есть кара, состоящая из определенного объема правоограничений. Законодатель допускает ограничение и изъятие ряда субъективных прав, законных интересов, свобод в связи с фактом осуждения. Как известно, круг правоограничений зависит от вида назначенного наказания. А потому и содержание личной безопасности как набор неких гарантий, олицетворяющих состояние защищенности, будет зависеть от данного обстоятельства.

В ч. 1. ст. 13 УИК закреплено, что осужденные имеют право на личную безопасность, при этом указаний на вид отбываемого наказания не содержится ни в тексте части первой, ни в названии статьи. Можно ли сделать вывод, учитывая, что это одно из основополагающих прав осужденных, содержащееся в главе Общей части, то обращено оно должно быть к осужденному к любому виду наказания? Однако в ч. 2 данной статьи, определяющей механизм реализации права на личную безопасность, речь идет только о возможности обращения за помощью к должностному лицу учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, ареста или принудительных работ. То есть данное право обращено лишь к осужденным к трем видам наказания, предполагающим ту или иную степень изоляции осужденного. А если угроза личной безопасности исходит от должностного лица другого учреждения, допустим, при отбывании наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части? Данная мера принуждения связана с пребыванием осужденного военнослужащего не в обычной воинской части, а в отдельных дисциплинарных ротах или батальонах, где также установлены требования режима, строгие правила отбывания, предусматривающие определенные элементы изоляции осужденных военнослужащих в дисциплинарных воинских частях. Согласно же ч. 1 ст. 157 УИК режим в дисциплинарной воинской части обеспечивается согласно требованиям главы 12 УИК, определяющей режим и способы его обеспечения в исправительных учреждениях. Значит, в целом порядок исполнения этого наказания и условия отбывания, реализуемые обеспечительные меры по сохранению порядка имеют определенное сходство с условиями отбывания и порядком исполнения лишения свободы в исправительных учреждениях.

То есть один из элементов, повышающий риски угрозы личной безопасности, основанный на пребывании осужденного военнослужащего в условиях ограничения свободы, присущ и наказанию в виде содержания в дисциплинарной воинской части. Однако на законодательном уровне право на личную безопасность данной группе осужденных не гарантировано, и в Правилах отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими, утвержденными приказом Министра обороны от 20.10.2016 г. № 680, соответственно, о гарантиях личной безопасности осужденным положений не зафиксировано.

Если проанализировать ст. 14 УИК, гарантирующую свободу совести и вероисповедания, где в ч. 4 определен перечень наказаний, исполнение которых связано с содержанием в специализированных учреждениях, куда к осужденным могут приглашаться священнослужители, то мы видим, что наказание в виде содержания в дисциплинарной воинской части фигурирует в списке мер государственного принуждения. Аналогичное упоминание содержания в дисциплинарной воинской части зафиксировано и в ч. 2–4 ст. 15 УИК, определяющей порядок направления и рассмотрения обращений осужденных.

Представляется целесообразным урегулировать данный момент, внося изменения в ч. 2 ст. 13 УИК, дополнив перечень наказаний, при отбывании которых законодательно закреплена возможность обращения за защитой права на личную безопасность будет гарантирована всем категориям осужденных, отбывающих наказание в специализированных учреждениях.

Продолжая анализировать нормы УИК, раскрывающие содержание безопасности личности осужденного, конечно, стоит упомянуть и ч. 2, 3 ст. 12, устанавливающей запрет на жестокое и унижающее обращение с осужденными, проведение разнообразных опытов, в том числе, и с согласия осужденного. Соответственно, гарантии личной безопасности должны распространяться не только на права, связанные с сохранностью жизни и здоровья, но и на иные правовые возможности, в частности, связанные с защитой человеческого достоинства.

Условием реализации мер, закрепленных ст. 13 УИК, направленных на обеспечение защищенности осужденного, выступает угроза. Ни содержание, ни характер угроз законом не определены. Понятие угрозы характеризует уголовное законодательство, и состоит оно в реальной возможности причинения вреда какому-либо объекту. Такое свойство, как реальность, является не переменным атрибутом, определяющим признаки составов преступлений. Форма выражения угрозы не оказывает правового значения для ее констатации. Она может быть устной, с использованием жестов, письменной, переданной лично или через иных лиц. Особенностью угрозы в контексте ст. 13 УИК является то, что она может носить как характер психологического воздействия, предполагаемого в будущем, так и состоявшийся акт агрессии в отношении осужденного, поскольку может иметь разные формы проявления.

Представляется возможным раскрыть содержание угрозы личной безопасности следующим образом. Угроза личной безопасности осужденного – это выраженное в любой форме активное намерение выполнить определенное действие, подрывающее состояние защищенности и возможности реализовать гарантированные права, свободы и законные интересы осужденного при наличии оснований опасаться реализации данного намерения либо уже реализованное намерение.

Классификация угроз возможна по различным критериям. Во-первых, по субъектам. УИК не называет источники угрозы осужденному, а указывает лишь на возможность обратиться к любому должностному лицу пенитенциарного учреждения. Означает ли это, что предполагаемая угроза может поступать исключительно от других осужденных? Конечно, нет, и судебная практика по фактам нарушения значимых прав осужденных и совершения против них противоправных, как правило, насильственных действий со стороны сотрудников уголовно-исполнительной системы – тому подтверждение.

Крайне опасно, когда мы имеем дело со смешанной по субъектному составу угрозой – тогда степень общественной опасности подобных деяний, совершенных сотрудниками УИС с вовлечением осужденных в противоправные действия, нарушающие линию безопасности других осужденных, многократно возрастает. Подобные действия, преступно согласованные между представителями власти и осужденными, наносят вред не только правам и интересам личности пострадавших осужденных, но и подрывают авторитет всей системы исполнения наказаний как государственной структуры. Недопущение подобного – задача соответствующих служб УИС.

В 2021 году широкий резонанс вызвали опубликованные видео пыток, издевательств над осужденными в туберкулезной больнице для осужденных (ФКЛПУ ОТБ-1) в Саратовской области, было возбуждено более десяти уголовных дел как в отношении сотрудников, так и осужденных. Генеральный прокурор Краснов И., выступая в Государственной Думе, обратил внимание на проблему насилия в исправительных учреждениях и предложил решать ее, в том числе, путем изменения подходов к осуществлению прокурорского надзора за соблюдением законности при исполнении наказаний. По словам прокурора, за 9 месяцев 2021 года было выявлено в ходе прокурорских проверок 103 тысячи фактов нарушений закона в учреждениях УИС [7]. Представляется верным не только информирование населения страны о количестве допускаемых нарушений, но и доводить до сведения общественности информацию о принятых мерах по восстановлению нарушенных общественных отношений.

Также вполне теоретически допустимо наличие угрозы и со стороны иных лиц, посещающих учреждения исполнения наказания (следователи, прокурор, адвокаты, родственники, представители общественных объединений и т. д.). Таким образом, субъектный состав возможной угрозы безопасности личности осужденного представлен как минимум в четырех названных вариантах.

Во-вторых, по своей форме и характеру предъявления угроза может быть психической или физической. Психическая угроза состоит в психологическом воздействии на осужденного, связанном с созданием реальной опасности нарушения его прав и законных интересов, выраженном устно, письменно, с использованием жестов, демонстрацией орудий и т. д.

Физическая угроза может выражаться в активных противоправных действиях как с использованием физической силы, так и применением орудий, иных предметов материального мира, направленных на нарушение телесной неприкосновенности осужденного и нарушения анатомической целостности его организма, а также чести и достоинства. Так, два сотрудника ФКУ ИК-7 УФСИН России по Калининградской области, которые в служебном помещении при исполнении служебных обязанностей, не имея законных оснований применения физической силы и специальных средств, с целью принуждения осужденного И. к выполнению их законных требований, применили в отношении последнего насилие, совместно нанеся кулаками, ногами и резиновой палкой не менее 25 ударов в область спины и ног потерпевшего, не причинивших вреда здоровью, чем существенно нарушили права и законные интересы И. [8].

Кроме этого, не исключен вариант бездействия как формы физической угрозы безопасности личности осужденного. Под бездействием традиционно понимают невыполнение действий, которые лицо было обязано в соответствии с нормативными предписаниями, служебными полномочиями, др. определенными законом обстоятельствами и имело возможность выполнить. Данная форма может иметь место со стороны персонала учреждения УИС, в чьи служебные обязанности входит выполнение действий по соблюдению гарантий безопасности и правовой защищенности осужденных (например, непредоставление лекарств, неоказание медицинской помощи, игнорирование жалоб осужденных об угрозах со стороны других осужденных и т. д.). По степени опасности данная форма ничуть не уступает активным действиям, поскольку приводит к аналогичному результату – нарушению общественных отношений, гарантирующих безопасность осужденного и, соответственно, нарушению или угрозе нарушения его субъективных прав и законных интересов.

Статья 13 УИК представлена бланкетной нормой, определяющей основные положения по регулированию права на личную безопасность осужденных. Бланкетный характер предусматривает наличие норм, содержащихся в иных нормативно-правовых актах, характеризующих процедуру и механизм реализации указанного права осужденных. Прежде всего, таким нормативно-правовым актом выступает приказ Минюста, утверждающий правила внутреннего распорядка исправительных учреждений [9], в которых раздел 4 посвящен исследуемой теме. Сопоставление нормы о гарантиях личной безопасности осужденного, закрепленной в УИК и Правилах внутреннего распорядка, вызывает ряд вопросов.

Согласно п. 26 ПВР ИУ осужденный вправе при возникновении угрожающего его безопасности состояния обратиться к администрации исправительного учреждения. Но в ст. 13 УИК при наличии аналогичной угрозы фиксируется возможность обратиться к любому должностному лицу учреждения, исполняющего наказание. Понятие «администрация ИУ» в тексте правил внутреннего распорядка не уточняется и носит абстрактный характер. Так к кому вправе обратиться осужденный?

Федеральным законодательством введено понятие работников УИС – это лица, имеющие специальные звания сотрудников уголовно-исполнительной системы, федеральные государственные гражданские служащие, замещающие должности федеральной государственной гражданской службы в уголовно-исполнительной системе, рабочие и служащие учреждений, исполняющих наказания, федеральных государственных унитарных предприятий уголовно-исполнительной системы, федерального органа уголовно-исполнительной системы и его территориальных органов, а также следственных изоляторов, предприятий, научно-исследовательских, проектных, медицинских, образовательных и иных организаций, входящих в уголовно-исполнительную систему [10].

Термин «работники ИУ» используется в 3 разделе ПВР ИУ, определяющем порядок взаимоотношений осужденных, сотрудников и служащих, то есть тех лиц, функционирующих в исправительном учреждении, с которыми осужденный может в принципе контактировать при тех или иных обстоятельствах. И именно данные лица могут стать источниками получения сведений о наличии опасности от самого осужденного. ПВР ИУ созданы и адресованы не только работникам ИУ, но, прежде всего, осужденным, которые обязаны неукоснительно соблюдать правила. Но поскольку ПВР содержит и механизм реализации основных и специальных прав осужденного к лишению свободы, то этот порядок должен быть изложен в доступной и понятной форме с указанием конкретных адресатов (исполнителей), к которым может обратиться лицо, отбывающее наказание и, в частности, попавшее в ситуацию, сопряженную с нарушением своей безопасности.

Также ч. 2 ст. 13 УИК определяет, что должностное лицо, к которому обратился осужденный, обязано незамедлительно принять меры по обеспечению безопасных условий для осужденного. Как

отмечали выше, угроза личной безопасности должна носить реальный характер и объективно подтверждаться фактическими обстоятельствами, которые должны установить сотрудники ИУ для того, чтобы начать реализовывать комплекс мер, обеспечивающих безопасность конкретному осужденному. Как правило, для получения информации, подтверждающей опасения осужденного, необходимо проведение проверки по факту возможного нарушения прав. Иначе просто невозможно установить реальность угрозы. К сожалению, 4 раздел ПВР вообще не упоминает о необходимости проверки сведений, полученных от осужденного (в устной или письменной форме, с использованием терминала). Представляется, что незамедлительность принятия обеспечительных мер должна быть обоснованной, а процедура проведения проверки включена в указанный раздел. Учитывая условия изоляции, коллективное размещение осужденных, на период проведения проверки осужденного целесообразно перевести в иное помещение из общежития или камеры, установив при этом предельный срок (24 часа) для установления всех обстоятельств и наличия опасности.

Рассмотрим меры по обеспечению безопасности личности осужденного, которые предусматривает уголовно-исполнительное законодательство. В литературе предлагались разные варианты классификации указанных мер, базовой из которых является выделение общих и специальных мер.

К общим мерам можно отнести, прежде всего, режим, поскольку он определяет порядок исполнения и отбывания наказания, олицетворяя основу правопорядка и безопасности как в учреждении в целом, так и в отношении каждого осужденного. При соблюдении всеми субъектами уголовно-исполнительных правоотношений требований режима вопросов и проблем с обеспечением безопасности просто не возникнет.

Также значимой мерой общего плана, обеспечивающей личную безопасность осужденных, являются правила раздельного содержания осужденных. Ст. 80 УИК предусматривает основы раздельного содержания осужденных во время нахождения в изоляции. Критерии, положенные в основу раздельного содержания, представлены социально-демографическими признаками (пол, возраст, состояние здоровья, профессиональная деятельность до осуждения) и уголовно-правовыми, связанными с опасностью совершенного преступления и видом назначенного наказания, наличием или отсутствием рецидива, а также наличием «пенитенциарного опыта» (отбывал или нет ранее лишение свободы). Значимость указанной меры сложно переоценить в обеспечении безопасных условий отбывания наказания, поскольку они напрямую зависят от однородности контингента.

Также огромное значение имеет мера – надзор за осужденными во время отбывания наказания, который представляет систему мер, обеспечивающих законность и порядок исполнения лишения свободы. В содержание надзора входит большое количество элементов, в частности, предполагается постоянное наблюдение за осужденными как в местах проживания, так и на иных объектах, где они могут находиться (производственных, коммунально-бытовых и пр.), проведение обыскных и досмотровых мероприятий, контроль за соблюдением порядка передвижения по территории ИУ и множество других вопросов, определенных в ведомственных нормативных актах.

Превентивной охранительной мерой выступает также применение к осужденным мер дисциплинарного взыскания. УИК предлагает целый ряд мер возможного реагирования на дисциплинарные нарушения со стороны осужденных. Основанием их применения является нарушение режимных требований, которые могут быть связаны и с созданием угрозы личной безопасности других осужденных. Строгость взысканий варьируется от выговора до усиления степени изоляции путем перевода осужденного-нарушителя в запираемые помещения камерного типа.

В качестве мер общего порядка предусмотрена также охрана учреждения и применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Рассмотрим меры специального характера. Мера, выделенная в качестве первоочередной для разрешения ситуации с возникшей опасностью, обозначена как перевод осужденного в безопасное место. Понятие безопасного места в УИК не раскрывается, поэтому обратимся к п. 28 ПВР ИУ, где указан перечень штрафных помещений, которые рекомендуют использовать в качестве безопасного места на территории ИУ. Очевидно, что это открытый список, допускающий использовать, помимо ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ, одиночных камер, и другие помещения. Главный фактор, который должно учитывать должностное лицо при принятии решения – это исключение угрозы для осужденного.

Срок нахождения в безопасном месте ограничен 90 днями, поскольку условия содержания характеризуются усилением степени изоляции, но при этом, естественно, сохраняется объем прав, гаранти-

рованных в соответствии с видом исправительного учреждения и видом условий отбывания, на которых осужденный отбывал наказание до перевода. Однако форма реализации субъективных прав будет изменена (питание, прогулка, пользование библиотекой и т. д.) в связи с необходимостью пребывания в безопасном месте, если в качестве него выбрано изолированное помещение. Учитывая подобные ограничения, следует исключить возможность пролонгации девятистодневного срока содержания в безопасном месте по одному и тому же факту.

О каких иных помещениях, помимо запираемых штрафных помещений, может идти речь? Можно ли рассматривать перевод осужденного в другой отряд, общежитие как вариант обеспечения безопасности? Отряд осужденных представляет собой коллектив численностью, как правило, от 50 до 100 человек, которым определяется место размещения и проживания – общежитие. Как видим, в отличие от запираемых помещений, указанных в качестве примера безопасного места в ПВР ИУ, риски нарушения личной безопасности многократно возрастают. Поэтому при принятии подобных решений следует учитывать массу факторов: вид ИУ, степень криминальной зараженности коллектива, оперативную обстановку как в отряде, так и в целом в учреждении, отсутствие возможности перемещения осужденных между общежитиями и т. д.

Возможно, при соблюдении всех мер, учитывая незначительность конфликтной ситуации между осужденными, её разрешении, а также спокойную оперативную обстановку, и можно допустить применение подобного перевода в качестве охранительной меры, но при принятии решения начальником ИУ должны быть взвешены все влияющие на ситуацию факторы. При безуспешности выбранной меры, повлекшей причинение вреда здоровью или жизни осужденного, возникнет вопрос об уголовной ответственности должностного лица за халатность.

Следующая мера специального характера применяется к осужденному, в отношении которого сохраняется угроза безопасности, а предпринятые первоочередные меры не помогли нейтрализовать угрозу – это перевод в другое исправительное учреждение без изменения вида ИУ. Так как вид учреждения не меняется, а изменяется только территориальный критерий, то судебного решения в данном случае не требуется. Указанная мера достаточно эффективна, но может быть связана с изменением субъекта РФ, в котором осужденный будет отбывать оставшуюся часть срока наказания.

Помимо перевода осужденного, которому угрожает опасность, п. 39 ПВР ИУ допускает и перевод лиц, от которых исходит угроза личной безопасности, в другое исправительное учреждение. На уровне закона возможность перевода подобных осужденных в иное исправительное учреждение предусмотрена ч. 2 ст. 81 УИК, а основание перевода сформулировано в качестве оценочного признака – при иных исключительных обстоятельствах, препятствующих отбыванию наказания в данном ИУ.

Исследование вопросов обеспечения безопасности осужденным в условиях исполнения лишения свободы говорит в целом об урегулировании законодательными и подзаконными нормативными актами, однако некоторые организационно-правовые аспекты обеспечения безопасности нуждаются в дальнейшем совершенствовании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_383610/
2. Указ президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/
3. Закон УР от 20.04.2001 г. № 14-ПЗ «О Совете общественной безопасности Удмуртской Республики». URL: <https://base.garant.ru/15726034/>
4. Пронина О.В. Профилактика правонарушений среди лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, как мера обеспечения личной безопасности осужденных // Юридический Вестник ДГУ. Т. 38. 2021. № 2. С. 135–139.
5. Бакулина Л.В., Халимов Р.Н. Современные проблемы правоохранительной деятельности в сфере обеспечения личной безопасности осужденных // *Ius Publicum et Privatum*. 2021. № 1(11). С. 87–92.65.
6. Цаплин И.С. Правовые и организационные вопросы обеспечения личной безопасности осужденных при исполнении наказаний // Закон и право. 2018. № 12. С. 90–96.
7. Генеральный прокурор Российской Федерации выступил с докладом на пленарном заседании в Государственной Думе РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/archive?item=66718559>
8. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Калининградского областного суда № 22-529/2020 от 26.05.2020 г. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/48726467>

9. Приказ Минюста России от 04.07.2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421232/
10. Закон РФ от 21.07.1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/1305321/>

Поступила в редакцию 19.09.2023

Ложкина Лариса Владимировна, кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)
E-mail: lar.lozh1@yandex.ru

L. V. Lozhkina

**ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECTS OF ENSURING THE CONVICT'S PERSONAL SAFETY
IN ISOLATION FROM SOCIETY**

DOI: 10.35634/2412-9593-2023-33-6-1053-1059

The article examines the issues of ensuring the right to personal security in correctional institutions for persons sentenced to imprisonment. The concept of security and the content of the convict's personal security are analyzed. The measures stated in Article 13 of the PEC to ensure security of convicts in the event of threats are considered. The definition of the concept of "threat to the personal safety of the convicted person" is proposed; the signs of the threat, the sources of its occurrence, as well as the classification of threats according to various criteria: subjects and forms of presentation are considered.

The mechanism of ensuring the right to personal security of a convicted person is analyzed, some issues that need to be described in more detail in the Internal Regulations of correctional institutions are identified, for example, the issue of fixing the need for verification to establish the reality of a threat to a convicted person before applying the entire complex of protective measures to ensure security. The analysis of general and special measures to ensure the safety of a convicted person while serving a sentence is given.

Keywords: correctional institutions, convicts, personal safety, security, threat, internal regulations, safe place, imprisonment, penal enforcement legislation.

Received 19.09.2023

Lozhkina L.V., Candidate of Law, Associate Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: lar.lozh1@yandex.ru